

Мелкие буржуа

Тёмное дело

Оноре де Бальзак

Человеческая комедия

Этюды о нравах

МЕЛКИЕ БУРЖУА
ТЁМНОЕ ДЕЛО

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(0)
Б21

Перевод с французского Якова Лесюка, Евгения Гунста

Бальзак, О. де
Б21 Мелкие буржуа. Тёмное дело / О. де Бальзак; [пер. с франц. Я. Ленсюк, Е. Гнуст]. — М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2021. — 572 с.

ISBN 978-5-521-74646-0

Оноре де Бальзак, бесспорно, один из лучших французских романистов XIX столетия, оставивший после себя огромное литературное наследие, в котором запечатлел историю целого общества. В своей «Человеческой комедии», включающей около ста произведений, талантливый мастер создал грандиозную галерею образов — не менее двух тысяч представителей различных сословий. Среди них этюд из парижской жизни «Мелкие буржуа» о современном Тартюфе, который не имея ничего за душой, втирается в богатую семью и играет роль демократа и филантропа, и политический этюд «Тёмное дело», о котором сам Бальзак говорил «хотелось изобразить политическую полицию в её столкновении с частной жизнью, показать всю мерзость её действий». Важное значение имеет изображённый в романе конфликт между заговорщиками-аристократами, сторонниками династии Бурбонов, и правительством Наполеона I.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя

УДК 82/821
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74646-0

© Т8 RUGRAM, 2021
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021
© Перевод. Я. З. Лесюк, наследники, 2021
© Перевод. Е. А. Гунст, наследники, 2021

МЕЛКИЕ БУРЖУА

Посвящается Констанс-Виктуар¹

Вот, сударыня, одно из тех творений, которые неведомым образом зарождаются в уме писателя и покоряют его уже тогда, когда он еще не знает, будет ли принято или отвергнуто его детище публикой, верховным судьей нашего времени. Заранее уверенный, что Вы проявите снисходительность к моему неизменному пристрастию, я посвящаю Вам эту книгу: разве не должна она принадлежать Вам по праву, как некогда десятина принадлежала церкви, в ознаменование того, что по воле господ бога все расцветает и зреет — и в полях и в умах человеческих?

Комья глины, оставленной Мольером у подножия колоссальной статуи Тартюфа, оказались ныне достоянием руки скорее дерзостной, нежели умелой; но, сознавая, насколько я далек от величайшего из комедиографов, я

¹ Констанс-Виктуар — этими именами (Постоянство и Победа) Бальзак называет графиню Эвелину Ганскую (1800—1882), польскую помещицу. В феврале 1832 года Бальзак получил от Ганской письмо, подписанное: «Иностранка». С 1833 года началась регулярная переписка писателя с Ганской, которая в 1850 году стала его женой.

тем не менее испытываю радость, что употребил крохи, подобранные на авансцене его театра, дабы показать современного лицемера в действии. Приступая к этому нелегкому начинанию, я черпал бодрость в том, что мое будущее произведение не касается вопросов религии: ведь в противном случае оно было бы отвергнуто Вами, чье благочестие общеизвестно; к тому же некий выдающийся писатель говорил о «безразличии в вопросах веры»¹.

Да послужит двойное значение Вашего имени пророчеством для судьбы книги! Соболаговолите усмотреть в этом посвящении выражение почтительной признательности со стороны того, кто осмеливается именовать себя самым преданным вашим слугой.

Оноре де Бальзак.

¹ Речь идет о Ламенне (1782—1854) — французском богослове и реакционном публицисте, представителе так называемого «христианского социализма» и авторе «Опыта о безразличии в вопросах религии» (1817—1823).

Турникет на улице Сен-Жан, описание которого, приведенное в начале повести «Побочная семья» (смотри «Сцены частной жизни»), казалось в свое время скучным, — эта наивная деталь старого Парижа сохранилась ныне лишь на страницах книги. Перестройка городской ратуши привела к сносу целого квартала.

В 1830 году прохожие еще могли видеть изображение турникета на вывеске владельца винного погребка, но затем дом этот также пошел на слом. Воспоминание о нем рождает в памяти цепь воспоминаний такого же рода. Увы! Старый Париж исчезает с ужасающей быстротой. То тут, то там в нашем произведении промелькнет описание какого-нибудь средневекового строения, подобного тому, которое читатель найдет на первых страницах повести «Дом кошки, играющей в мяч». Один или два таких дома можно и поныне встретить в Париже; к их числу нужно отнести и находившийся на улице Фуар дом, где обитал судья Попино — образцовый представитель старой буржуазии. Здесь — развалины дома Фюльбера; там — набережная Сены во времена Карла IX. Разве не должен историк французского общества, этот новый

Old mortality¹, спасти от забвения столь любопытные свидетельства прошлого, уподобляясь тем самым описанному Вальтером Скоттом старику, подновлявшему могильные памятники? Поистине нельзя назвать преувеличенными вопли, вот уже десять лет несущиеся со страниц нашей литературы: искусство начинает прикрывать своими цветами отвратительные фасады зданий, именуемых в Париже «доходными домами»; Виктор Гюго насмешливо сравнивает их с комодами.

Заметим кстати, что в Милане создание муниципальной комиссии del ornamento², в чьи задачи входит наблюдение за архитектурой уличных фасадов и обязательное рассмотрение плана каждого домовладения, относится к двенадцатому веку. И вот всякий, кто побывал в этом красивом городе, не мог не воздать должное патриотизму миланских буржуа и дворян, любуясь колоритными и своеобразными зданиями, украшающими его... Гнусная, безудержная спекуляция, уменьшающая из года в год высоту этажей, выкраивающая целую квартиру из площади, какую раньше занимала одна гостиная, уничтожающая сады, несомненно, окажет влияние на нравы Парижа. Людям вскоре придется проводить больше времени вне дома, нежели дома. Священная частная жизнь, когда каждый сам себе хозяин, где ты? Она доступна сейчас лишь тем, у кого не меньше пятидесяти тысяч франков годового дохода. Да и не многие миллионеры позволяют себе в наши дни роскошь владеть небольшим особняком, отде-

¹ Прозвище одного из персонажей романа Вальтера Скотта «Пуритане»; здесь — старый могильщик.

² По украшению (итал.).

ленным от улицы двором и защищенным от любопытных взоров прохожих тенистым садом.

Уравнивая состояния, параграф Кодекса¹, толкующий вопросы наследства, создал эти фаланстеры² из известняка; в них ютятся по тридцать семейств, но зато они приносят домовладельцу сто тысяч франков годового дохода. Вот почему трудно сказать, сохранятся ли в Париже лет через пятьдесят дома, подобные тому, в котором проживала ко времени, когда начинается наше повествование, семья Тюилье; дом этот и впрямь любопытен, он заслуживает самого точного описания хотя бы для того, чтобы сравнить буржуазию былых времен с буржуазией наших дней.

Местоположение и внешний вид этого дома, служащего рамой для настоящей картины нравов, насквозь пропитаны духом мелкой буржуазии, что может привлечь или отвлечь внимание каждого, в зависимости от его вкусов и склонностей.

Следует прежде всего заметить, что дом не принадлежит ни г-ну, ни г-же Тюилье; он принадлежит мадемуазель Тюилье, старшей сестре г-на Тюилье.

Означенный дом, приобретенный в первые месяцы после революции 1830 года мадемуазель Мари-Жанной Бригиттой Тюилье, старшей в роду, расположен в самой

¹ Гражданский кодекс, введенный в действие Наполеоном в 1804 году, отменил преимущественное право наследования старших детей.

² Согласно учению французского социалиста-утописта Шарля Фурье (1772–1837), фаланстеры — общественные дворцы, где будут жить и работать на коллективных началах члены будущего идеального социалистического общества.

середине улицы Сен-Доминик-д'Анфер, по правой ее стороне; особняк, в котором обитают Тюилье, смотрит своими окнами на юг.

Упорное стремление жителей Парижа расселяться на возвышенных местах правого берега Сены привело к запустению левого берега и уже много лет препятствовало продаже домовладений, расположенных в квартале, именуемом Латинским; и вот тогда-то некоторые причины, о которых мы скажем позднее, описывая характер и привычки г-на Тюилье, побудили его сестру приобрести недвижимое имущество. Она сделалась владелицей дома, уплатив за него весьма скромную сумму в сорок шесть тысяч франков, пристройки пошли за шесть тысяч; таким образом, общий размер купчей составил пятьдесят две тысячи франков. Подробное описание домовладения, сделанное в духе рекламной афиши, а также рассказ о результатах, достигнутых стараниями г-на Тюилье, объяснят читателю, каким образом многие состояния умножились после июля 1830 года, в то время как другие состояния пошли прахом.

Выходящий на улицу фасад дома сложен из оштукатуренного известняка, скребок каменщика провел на нем продольные и поперечные полосы, а время избороздило его волнистыми линиями, так что известняк стал походить на дорогой строительный камень. Такие уродливые фасады столь обычны для Парижа, что городу следовало бы выдавать награды домовладельцам, возводящим дома из настоящего камня и украшающим фасады резьбой. Серое здание в семь окон состояло из трех этажей и заканчивалось мансардами, крытыми черепицей. Большие, массивные ворота всем своим видом и стилем свидетель-